№ 25 МОСКВА 10 СЕНТЯБРЯ 1946 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXV ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 20 КОП.

КРОКОДИЛ

В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ

Рис. К. Елисеева

— Почему вы ночуете на улице? Здесь есть свободная квартира.
— Слишком высока...
— Но ведь есть лифт!
— Цена слишком высока!

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

...В некоторых местных чрезвычайно осведомлённых газетах усиленно пишут о концентрации советского военного флота в горах Албании.

От редакции. При передаче этой телеграммы выпало название города, из которого она отправлена. Но, судя по характеру информации, можно предположить, что это Нью-Йорк (Херст-авеню) или Лондон (Дейли-Мейль-стрит).

ПАРИЖ. В здешних торговых кругах категорически опровергают слухи о том, что в Париже ничего нельзя купить без карточек и талонов. Несостоятельность этих слухов видна хотя бы из того, что Парижское бюро херстовского агентства «Интернэшенэл ньюс сэрвис» купило за наличный расчёт французское информационное «Ажанс д'эдисьон э де пресс». Свободно продаются и газеты типа бульварной «Этуаль дю суар».

КАИР. Здесь категорически опровергаются слухи о якобы происходящих в Египте переменах. По совершенно точным данным, сфинксы и пирамиды находятся на прежних местах. Английские войска — тоже.

Дистанция

НЕТУДЫКИН! Знаменитый Нетудыкин! Кто не знает писателя Нетудыкина?

Есть, конечно, такие, которые не знают. Но они делают вид, что знают. Ведь как-то неловко сознаться, что ты так отстал. Неудобно признать, что все в курсе, а ты один погряз в невежестве.

В некоторых газетах и журналах я не раз встречал фотоснимки, значительно обогатившие мой ум и расширившие кругозор: «Нетудыкин на берегу Чёрного моря», «Нетудыкин в кругу родных и знакомых», «Нетудыкин на охоте».

Со всех этих снимков на нас, спасибо ретушёру, взирало тщательно выбритое лицо великого мыслителя, несколько утомлённое заботами о судьбах мира.

Надиях, могу похвастаться, я посетил Нетудыкина. Вернее сказать, я попал на приём к Нетудыкину.

Мне хотелось узнать самому, а заодно и обрадовать человечество, каковы сейчас творческие планы маститого писателя.

С этим вопросом я и обратился к Нетудыкину. Снисходительно улыбнувшись, он ответил:

— Я сейчас, молодой человек, работаю над романом, который задуман мной десять лет тому назад. Но тогда события, которые я описываю, были ещё так осязательны, так близки, так свежи, что я не решался немедленно взяться за перо. Сейчас в качестве этюдов к этой вещи у меня уже готово несколько выпуклых райпортретов и вчерне набросан мощный райпейзаж.

— Ага! — догадался я. — Вы рисуете наш районный быт.

— Что? — удивился он. — Нет, вы меня, молодой человек, не так поняли. Я пишу роман из райской жизни. Главные герои моего произведения — Адам и Ева. Я разрабатываю проблему любви и семейных отношений в ту эпоху. Хочу также коснуться мимоходом вопроса о райских яблоках и вообще о плодоовощном хозяйстве того времени.

— Этот роман был задуман вами ещё десять лет назад?

— Да, юноша. Десять лет тому назад. Но тогда я не дерзал прикоснуться к этой теме. Понимаете ли: чтобы хорошо разглядеть картину, все её детали и нюансы, мы отходим на несколько шагов. Я, как художник слова, взял себе за правило описывать лишь те события, которые вижу издалека. Дистанция, мой друг, дистанция! И лишь после того, как я отодвинулся от Адама и Евы ещё на десять лет, я почувствовал, что сейчас уже можно взяться за ту эпоху и за тех живых людей. Понятно?

Я понял. Я очень многое понял. Мне для этого не надо было отступить на несколько шагов, чтобы разглядеть все детали и нюансы.

— А дальнейшие ваши намерения? — спросил я.

— Как только покончу с Адамом и Евой, сажусь за повесть из морской жизни. Изучаю сейчас флот.

— Черноморский или Балтийский?

— Вы меня, молодой человек, опять не так поняли. Повесть моя будет называться «Ноев ковчег». Хочу дать старика Ноя в совершенно иной трактовке. Но в какой,— для меня самого ещё не ясно. Непонятен для меня ещё и следующий факт: почему старик назвал одного из своих сыновей Хамом? Я думаю, что через несколько лет всё это выяснится. Надо только мне ещё малость отодвинуться от той эпохи. Тема, видите ли, ещё слишком свежая. Нужна дистанция, друг мой, дистанция!

Я сослался на неотложные дела и поспешил распрощаться с Нетудыкиным.

Провожая меня, гостеприимный хозяин с грустью промолвил:

— Устал я. Много приходится работать. А критика...

Лёгкая пауза.

— А критика почему-то не замечает меня, замалчивает...

Я вполне искренно сказал:

— Очень жаль!

Г. РЫКЛИН

ГРЕЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА

Как странно изменяются понятия!
С каким акцентом лондонским звучит
Латинское названье «плебисцит»
И греческое слово «демократия»!

С. МАРШАК

ТОСТ

Птицетрест в городе К. занимает небольшое двухэтажное здание. У парадной двери этого здания расположены два сфинкса, но обычно, когда горожане говорят про этот дом, они вспоминают не о сфинксах, а о Николае Николаевиче Бобкове. Все в городе привыкли, что уже много лет на первом этаже у третьего от ворот окна ровно в восемь часов утра зимой и летом появляется фигура Николая Николаевича. Он неторопливо садится, летом раскрывает окно, зимой тряпочкой, которая всегда лежит в левом углу его стола, протирает стекло. Николай Николаевич завтракает в половине двенадцатого. Он закуривает после завтрака — без четверти двенадцать. Ровно в двенадцать щёлкает на арифмометре. В пять часов Николай Николаевич встаёт и говорит товарищам по комнате:

— Будьте здравы! До завтра!

Так Николай Николаевич жил много лет. Когда-то помещалась в этом здании контора камвольного треста, потом было зерноуправление, сейчас — птицетрест, но Николай Николаевич неизменно сидел на своём месте. И подчас казалось, что его, вероятно, передают по инвентарному списку как недвижимость, как нечто вроде каменных сфинксов, которые, по капризу архитектора, защищают вход в здание птицетреста.

Но вот случилось неожиданное. Однажды утром Николая Николаевича не оказалось на его привычном месте. Не было его и на второй и на третий день.

— Заболел, — решили все.

Но Николай Николаевич не заболел.

Гуляя по берегу нашей реки, я неожиданно встретил Николая Николаевича.

Он посмотрел на меня, и была в его взгляде такая тоска, что я, хотя и не люблю интересоваться чужими делами, подошёл поближе и спросил:

— Вы заболели?

Он отрицательно качнул головой:

— Меня... Меня уволили.

— За что?! — вскричал я.

— Из-за тоста.

— Тоста? — недоуменно переспросил я.

— Вот именно. Если вы не торопитесь, я расскажу вам всё подробно. Как вам известно, уже много лет я работаю в птицетресте. Директором у нас Пётр Иванович Массарин. Большой любитель поговорить. Когда начинает, его не остановишь. Недавно вызвал меня к себе Пётр Иванович и говорит:

— Николай Николаевич, вам поручаю поддержать честь нашего треста. Уверен, что вы блеснёте талантом и будете говорить, как Демосфен.

Я ещё не понимаю, к чему клонит Пётр Иванович, а он продолжает:

— Сегодня в птицетехникуме торжество — выпуск. Банкет. Надо присутствовать. Надо приветствовать. Зажечь.

— Позвольте, — говорю я, — но я не оратор. Оратор — это вы.

— Знаю,— довольный отвечает Пётр Иванович, — что, что, а говорить умею. Но сегодня вечером в горком вызвали. Боюсь, задержат, опоздаю, а птицетехникум — наша система. Нельзя не приветствовать.

— Но я совсем не оратор...

— Неважно,— похлопал он меня по плечу.— Вы человек исполнительный. Получили приказ быть оратором — будете. Вспомните моё выступление перед ударницами птичьего дела. Говорите то же самое.

Затем Пётр Иванович добавил:

— Если я пораньше освобожусь, приеду. Тогда выступлю сам.

Ушёл я от Петра Ивановича и стал вспоминать его речь на закрытии птичьих курсов. Вспомнил. Он призывал не бояться препон. Потом сказал об успехах — пусть не зазнаются. Затем подчёркивал, что каждое маленькое дело имеет большое значение.

Вечером пришёл на банкет. Вот директор торжественно предоставляет слово самому почётному из гостей. Едва тот произнёс первые фразы, у меня на сердце похолодело. Он стал говорить: «Препоны вас ожидают, не бойтесь». «Батюшки,— подумал я,— украл кусок хлеба!». Посмотрел по сторонам: у остальных почётных гостей тоже кислые лица. И тут шевельнулась у меня злорадная мыслишка: «Все они, вероятно, приготовили эти же «препоны» для своих речей». Минут десять оратор говорил о препонах, потом он призывал не зазнаваться. Когда он, наконец, добрался до маленького дела, которое имеет большое значение, у всех было страдальческое выражение лица. Только через 25 минут нам удалось приступить к закуске, но едва нацепили на вилочку колбасу, директор предоставил слово второму оратору. Тот попытался схитрить. Он вначале говорил, что каждое дело большое, затем, что не надо зазнаваться, и закончил препонами. О том же говорили и третий и четвёртый ораторы.

Вдруг раскрывается дверь, и взволнованный вбегает Пётр Иванович. Сразу ко мне:

— Говорили?

— Нет.

Он радостно вздохнул. И слово было предоставлено Петру Ивановичу.

Когда он заговорил о препонах, я еле удержался от смеха, но когда он стал призывать, чтобы выпускники не зазнавались, я не выдержал и начал хохотать. А Пётр Иванович говорит, да на меня зло колючими глазами посматривает.

На другой день вызвал он меня в свой кабинет. Даже сесть не предложил:

— Я давно замечал, что вы подрываете мой авторитет. Ведёте агитацию путём смеха. Можете уволиться по личному желанию.

— У меня нет такого желания.

— Появится! Посмеётесь в другом месте!

И вот, как видите, больше в птицетресте я не работаю.

* * *

Месяца через три после этой истории я проходил по улице и неожиданно увидел, что на своём обычном месте сидит Николай Николаевич. Подошёл, поздоровался и шопотом спросил:

— Ваш Цицерон одумался?

— Нет! У него появилось желание уйти из птицетреста.

— Перевели?

— Сняли.

— За что?

Николай Николаевич улыбнулся:

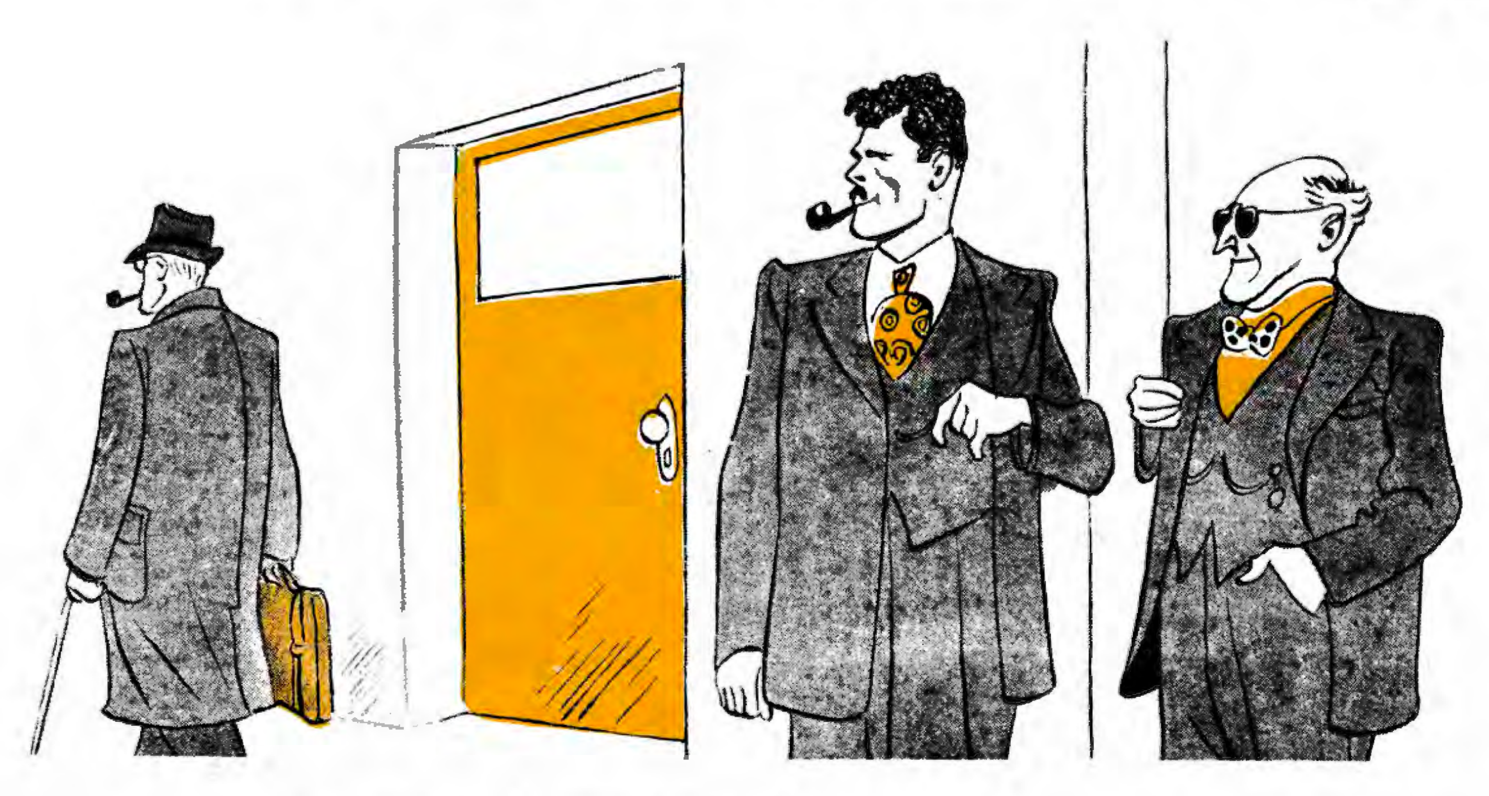
— В приказе главка сказано: пасовал перед препонами, зазнался, в каждом маленьком деле не видел большого.

г. Грозный.

Е. ЛУБИН

В РЕДАКЦИИ ОДНОЙ ЗАОКЕАНСКОЙ ГАЗЕТЫ

Рис. Бор. Ефимова

— За что вы уволили мистера Джемсона?
— Он посмел сейчас, в дни Мирной конференции, написать статью против войны.

Друзья

По праздничному,
Пёстрому,
По Кировскому
Острову,
Где плещется
И кружится
Людской водоворот,
Исполненный достоинства,
Как представитель воинства,
Медлительной походкою
Суворовец идёт.

Походкою медлительной
Идёт он с увольнительной,
А чуть поодаль —
Девочки
Почтительной толпой...
С него не сводят глаз они,
Пленённые лампасами,
Погонами,
Лампасами,
Фуражкой со звездой...

По праздничному,
Пёстрому,
По Кировскому
Острову,
Где плещется
И кружится
Людской водоворот,
С начищенною бляшкою,
Насвистывая пташкою,
Помахивая палочкой,
Ремесленник идёт.

С собою взял он палочку
И вот идёт вразвалочку.
Он болт сегодня выточил!
Взаправдашный!
Впервой!..
В сатиновой рубашечке
И форменной фуражечке —
Бывалый,
тёртый,
питерский
Идёт мастеровой.

Встречает и приветствует
Ремесленник суворовца.
— Ну что ж, давай здороваться!
Не виделись мы век...

Живётся мне — не тужится,
Ну а тебе как служится?..
— Порядочек! — ответствует
Служивый человек.
Примеру взрослых следуя,
Идут они, беседуя...
И вдруг...
Несутся взапуски!
Теперь не до бесед...
— Нажми! — кричит ремесленник.
— Поддай! — кричит суворовец,
И ничего тут странного,
Мне думается, нет...

И всё сегодня по-сердцу,
Бегут ребята к озерцу,
Лужайками,
Аллейками,
Всё дальше от ворот, —
По праздничному,
Пёстрому,
По Кировскому
Острову,
Где плещется
И кружится
Людской водоворот.

Вл. ЛИФШИЦ

Ленинград.

Тульская вежливость

В Туле объявлен поход за вежливость.

Недавно лекцию «О вежливости» прочитал доцент Тульского пединститута П. М. Кузьмин. В плане лекции, любезно размноженном Тульским областным лекционным бюро для всеобщего обозрения, вопрос о том, что такое вежливость, разбирается всесторонне.

Особое внимание уделил лектор в своём плане капиталистической вежливости, развитию вежливости в России, международной и военной вежливости.

Не упущены и «отрицательные виды вежливости и борьба с ними: а) собакеевическая вежливость, б) чичиковская вежливость, в) галантерейная вежливость».

Как и следовало ожидать, сама лекция вполне соответствовала плану, и только природная вежливость слушателей избавила лектора от неприятностей.

Быть может, это не совсем вежливо и даже бестактно, но мы не можем не задать вопроса директору Тульского лекционного бюро тов. Королькову: почему он так снисходительно отнёсся к устройству подобной лекции? Неужели только из-за «галантерейной» вежливости перед именитым лектором?!

А. КОСТИН.

●

Оригинальные фокусы

Каким образом обыкновенную вечеринку с водкой, вином и пивом превратить в культурно-массовое мероприятие?

Делается это очень просто. Приобретается в магазине 40 литров водки, 20 бутылок портвейна № 20, 30 бутылок сухого вина № 1 и 129 литров пива. За всё это из государственных средств уплачивается 5818 рублей 10 копеек. Затем счёт из бухгалтерии изымается, а расходы относятся к затратам на культурно-массовую работу.

Подробную консультацию по этому вопросу можно получить у ревизора центральной бухгалтерии Министерства просвещения РСФСР тов. Мелодиева.

Будучи главным бухгалтером Пятигорского педагогического института, Мелодиев и совершил описанный выше фокус, который, должно быть, так кому-то понравился, что фокусника выдвинули в центральный аппарат министерства. При переезде в Москву Мелодиев, как бы мимоходом, продемонстрировал ещё один фокус: взял на память об институте 3940 рублей и не вернул их.

Последний фокус вызвал настоящую бурю восторгов. Нашлись и подражатели. Начальник центральной бухгалтерии Министерства просвещения тов. Малинин рискнул тут же, не отходя от кассы, сам выполнить фокус и списал с Мелодиева, работающего у него под боком, 3940 рублей как безнадёжный долг.

Нет, что ни говорите, а с талантами в центральной бухгалтерии Министерства просвещения РСФСР дело обстоит далеко не безнадёжно!

ШИРОКАЯ НАТУРА

Рис. Е. Ввгана

— У Ивана Ивановича чисто американский размах: все норовит расширить свои штаты.

Беспокойная техника

Иван Никанорыч, бедняга, устал,
Как будто карабкался на пьедестал
В сто метров почти вышиною.
Меж тем заседал он — и к стулу прилип
Прочнее, чем к старому рифу полип,
Прилепился к спинке спиною.
В течение двух с половиной часов
С усердием тратил он тысячи слов,
Что фраза, то хитросплетенье.
И, вытянув доводов длинную нить,
Сумел он торжественно похоронить
Новейшее изобретенье...
«Признаться, мои не такие года,
По мне без новинок спокойней куда,
Удобнее и безопасней.
Фантазии взлёты тревожат меня:
С новинкой технической риск и возня,
Морока большая всегда с ней!» —
Дословно вот так рассуждал про себя,
Нервическим жестом усы теребя,
Иван Никанорыч из Главка.
И здесь-то на кнопку нажал он сильней,
И здесь-то коротенькой повести сей
Кончается первая главка.

●

Девица примчалась на ярый звонок
(Здесь был секретарь, как всегда резвоног,
Привычен к нервозному звону.)
Иван Никанорыч скомандовал ей:
— С отделом снабженья свяжите скорей,
Луку Лукича к телефону!
Девица дивится, косится она,
Ресницы нависли сурово:
— Чего? «Те-ле-фон?!» Я признаться должна...
Чудное какое-то слово!..
При этом творятся чудные дела:
Иван Никанорыч глядит—со стола
И впрямь телефоны исчезли —
При помощи чорта ли, без ли?
Иван Никанорыч в испуге: темно!
Он мечется по кабинету,
Он хочет включить электричество, но...
Ни лампы, ни штепселя нету.
— Скорее!— вопит он.— Скорее огня!
Не видите, что ли, темно у меня!
Вдруг некто, склоняя колена,
Вручает ему два полена:
Тереть вам одно о другое полдня,
Пока наконец не дождётесь огня!

●

Иван Никанорыч вздохнул: — Я устал...
Хочу отлежаться... У моря... у скал...
Хочу полететь... Самолётом...
Скорей за билетом! Эй, кто там?!
Он явственно видит: на лицах вокруг
Испуг, несказанная горечь.
Что, дескать, случилось? Не спятил ли вдруг
Почтенный Иван Никанорыч?
— В необычных сказках ковёр-самолёт...
Живей собирайте пожитки!
Ямщик удалой вас на улице ждёт,
Доставит вас лихо в кибитке...

...Иван Никанорыч пускается в путь.
Ему по пути ни соснуть, ни вздохнуть:
В дороге немало колдобин,
К тому же возок неудобен.
Измученный путник расстроен, сердит:
— Какой там тюлень в Главдороге сидит?
Небось, уважает старинку!
Машину такую бы изобрести,
Чтоб путников больше не стало трясти,
Чтоб не было небо с овчинку!
Помчаться бы в авторыдване таком
По бархатной глади асфальта!..
На этих словах он летит кувырком,
Свершает воздушное сальто.
Он стонет, и в панике трёт он скулу,
Глаза протирает при свете.
И видит: щекою приник он к столу
В дубовом своём кабинете.

На этом я повесть свою оборву.
Иван Никанорыч, увы, наяву
Всё тот же, что до сновиденья —
Не красит собой учрежденья:
К несчастию, сон не пошёл ему впрок,
Хоть мог бы извлечь он полезный урок.

В. ГРАНОВ

МАСТЕРА РАЗГОВОРНОГО ЖАНРА

Рис. Г. Валька

В драмсекции Союза писателей говорят о перестройке эстрады.

В Комитете по делам искусств говорят о.. (см.— в драмсекции).

В Мосэстраде говорят... (см. — в Комитете по делам искусств).

Александр КОРНЕЙЧУК

Приезжайте в Звонковое

(ЭПИЗОДЫ ИЗ КОМЕДИИ)

Комедия «Приезжайте в Звонковое» рассказывает о возрождении колхозной жизни в освобождённых районах Украины. Одно из действующих лиц комедии — Арина, свинарка колхоза «Звонковое», где председателем её сестра Марина. Арина только что вернулась домой из армии и полна всяких «заграничных впечатлений».

•

Хатка Марины в саду. На траве в купальном костюме лежит Арина. Она раскладывает карты.

АРИНА. Бубновый король скучает по бубновой даме. Лейтенант Фитюлька, вышло так, как вы пели: «Мы разошлись, как в море корабли». А это кто? Верно, старший сержант Степан. Вместе с бубновой дамой...

Входит Марина, ставит на рядно тарелки.

МАРИНА. Арина, ты бы хоть в кусты влезла. И чего это на солнце паришься?

АРИНА. Загораю. Это для здоровья.

МАРИНА. Встань. Оденься. Скоро гости придут.

АРИНА. А кто будет?

МАРИНА. Первые люди нашего села: звеньевые Параська Когут, Наталка Гаевая, Мария Кистяченко, Оксана Дуброва.

АРИНА. А мужчины какие придут?

МАРИНА. Вот это и всё.

АРИНА. И Прокопа не пригласила?

МАРИНА. Прокоп на меня рассердился. Бегает, выставку устраивает. Сегодня открывают.

АРИНА. Слыхала, что там музыка будет и танцы.

МАРИНА. Верно, будет. Надень военную форму и медаль пристегни, чтобы гости видели боевую награду.

АРИНА. Я решила сегодня быть не в военной форме.

МАРИНА. А в чём же ты выйдешь?

АРИНА. В европейском костюме. Мне лейтенант Фитюлька подарил. Этот для купанья. Эх, Марина! Какое боевое сердце было у лейтенанта! Герой! Нет, нет, дважды герой!

МАРИНА. А какие награды он имеет?

АРИНА. Говорил, что представили его к четырём орденам. Но не получил. Может, теперь дадут.

МАРИНА. Ой, беда! Прокоп идёт. Прячься в кусты.

АРИНА. И чего это! В Бухаресте даже в театрах так выступают.

МАРИНА. Прячься! А то я тебя за волосы потяну в кусты. Слышишь?

АРИНА *(встала)*. И как ты, сестра, отстала от культуры! *(Идёт в кусты.)*

Входит Прокоп Ключка — сержант артиллерии, член правления колхоза.

ПРОКОП. День добрый, Марина! Я вижу, здесь серьёзное дело намечается.

МАРИНА. День добрый! Ничего такого не намечается. Мои бабы придут на вареники с вишнями.

ПРОКОП. А меня что ж не позвала?

МАРИНА. Милости просим, и ты с нами, Прокоп, посиди.

Из кустов слышно: «Ой, ой, ой!» Выскочила Арина.

ПРОКОП. Что это за наваждение?

АРИНА. Там такая клятая крапива! Так печёт!..

МАРИНА. О, господи!

ПРОКОП. День добрый, Арина! По какой это вы моде оделись?

АРИНА. День добрый, Прокоп! Это я по-европейски.

ПРОКОП. По-европейски? *(Подходит, оглядывает.)* Что ж это, у них материи не хватает?

АРИНА. Нет, это костюм для купанья.

ПРОКОП. Так чего ты в крапиве купаешься?

МАРИНА. Иди, иди с глаз!

АРИНА. Сестра вас увидела и меня в крапиву загнала.

МАРИНА. Иди отсюда, Арина. Слышишь?

АРИНА. Иду, иду *(идёт, обернулась. К Прокопу)*. Сестра так отстала от Европы, что мне, Прокоп, с ней теперь очень трудно.

МАРИНА. Ещё одно слово скажешь — и я тебе такую Европу выбью, что и ходить не сможешь.

Арина ушла в хату.

•

К Марине приходят в гости звеньевые. Арина в роскошном халате, с гитарой в руках.

АРИНА. Боевой привет всей компании!

ОКСАНА *(подошла к Арине, осматривает её, пробует рукой материю халата)*. Где это ты раздобыла такую кацавейку?

АРИНА. Это не кацавейка, а европейская штука.

Женщины окружили Арину. Все щупают материю халата.

ДАРЬЯ. Мария, ой, какая богатая вещь!..

НАСТЯ. Шёлковая. И как вышита! Словно риза!..

ПАРАСЬКА. Где ты это купила?

АРИНА. Мой боевой друг лейтенант Фитюлька в Бухаресте купил для меня.

ПАРАСЬКА. А сколько она там стоит?

АРИНА. Лейтенант Фитюлька, когда дарит, не говорит цены.

ОКСАНА. А кто он, этот Фитюлька?

АРИНА. Герой. Товарищ боевой, мой командир.

ОКСАНА. Герой Советского Союза?

АРИНА. Нет. Он как товарищ герой. Во всех походах мы с ним всегда были плечом к плечу.

ОКСАНА. А в какой части ты была?

АРИНА. Поначалу была на передовой, а потом меня перевели на ответственный пост в тыловую команду. К лейтенанту Фитюльке. Мы с Фитюлькой всю Румынию прошли. Жили долго в Бухаресте. Вы, конечно, не знаете: Бухарест — это есть румынская столица. Когда мы с Фитюлькой...

ОКСАНА. Почему мы не знаем? Э, подожди! Ты мне скажи, за кого ты нас считаешь?

АРИНА. Когда мы с Фитюлькой...

ОКСАНА. Подожди *(крепко взяла за халат рукой)*. Ты скажи мне: за кого ты нас считаешь?

МАРИЯ. Оксана, Оксана!

ОКСАНА. Не перебивай. Пусть скажет.

МАРИНА. Оксана!

ОКСАНА. Ну, хорошо *(пустила)*.

ПАРАСЬКА. А как там, в Бухаресте, живут?

АРИНА. Все живут по-европейски.

МАРИЯ. Какая ж у них жизнь?

АРИНА. В городе на каждой улице очень много фигур, всякие памятники. Пьют больше вино. В театрах женщины почти голые играют. И поют по-румынски. У них не так, как у нас. Это точно.

ПАРАСЬКА. Ага.

ДАРЬЯ. А крестьяне как живут?

АРИНА. Мы с лейтенантом Фитюлькой только в городах жили.

ДАРЬЯ. В сёлах не были?

АРИНА. Проезжали. Крестьяне там — все румыны. Видела, что сеют руками. Живут культурно. Это точно.

ОКСАНА. А земли сколько у них?

АРИНА. Мы с лейтенантом Фитюлькой в их дела не вмешивались. Ничего об этом сказать не могу.

ПАРАСЬКА. А одеваются как на селе?

АРИНА. По-европейски. Ходят в белых штанах, рубахах, босиком.

ОКСАНА. Слышала, что там в лаптях, а больше босые.

АРИНА. Босые. Загорают. Но мы с лейтенантом Фитюлькой мало знаем их деревню. Мы больше в кабаретту ходили.

НАСТЯ. Что это?

АРИНА. Кабаретта — это такая столовая, как будто в погребе. Но там всё по-европейски. Там поют, танцуют. И еду там подают очень культурные люди, которые называются кёльнерами. Как зайдёшь, они от самых дверей кланяются, пока не сядешь. Потом, что принесут на стол, кланяются. А когда выходишь, провожают до самых дверей и опять кланяются.

МАРИНА. Ты бы спела нам, Арина. На чужбине таких песен научилась!

ОКСАНА. А ну, ну, какие там песни?

АРИНА. Очень культурные. Мы с лейтенантом Фитюлькой много их разучили. Такие душевные песни *(играет на гитаре, поёт: «Чубчик, чубчик...»)*.

ОКСАНА. Хватит! Больше не надо! Чепуха какая-то. Споём лучше нашу песню. Такую, чтоб за душу, за сердце хватало.

Звеньевые поют. Появляется Степан Груша — старший сержант.

СТЕПАН *(слушает песню)*. Хорошо поют наши девушки!.. Здесь бы парням подтянуть *(вслушивается, подтягивает)*.

●

Арина и Степан собираются в район. Арина в очень короткой зелёной юбке, в пышной кофточке из красного шёлка. На голове маленькая шляпа. В руке сумочка. Видно, что её позолоченные туфли тесны и очень жмут ноги.

АРИНА *(подходит к председателю сельсовета Анне Груше — сестре старшего сержанта Степана)*. День добрый, Анна! Отдыхаете? Сегодня такая жара! *(Садится около Анны, снимает туфли)*. В этих туфлях здесь просто ходить невозможно. В Бухаресте вся земля залита асфальтом. А здесь хоть в руках носи их. Ох, как ноги болят!.. И где это товарищ Степан замешкался?

АННА. А зачем он тебе?

АРИНА. Телега ждёт. Мы в район едем.

АННА. Зачем в район едете?

АРИНА. А разве он не сказал?

АННА. Нет.

АРИНА. Едем в район поступать на государственную службу.

АННА. А, это я знаю. И ты в милицию поступаешь?

АРИНА. Нет, у меня другой пост. Я буду старшей буфетчицей в районном ресторане. Через год сделаю из него такую кабаретту!..

АННА. Какую кабаретту?

АРИНА. По-европейски. Мы с лейтенантом Фитюлькой это дело хорошо изучили. И куда исчез товарищ старший сержант?

АННА. Не знаю.

АРИНА. Хорошо в нашем парке! Как красиво! Так не хочется оставлять Звонковое! Но что ж, когда нет подходящего для меня поста... Жаль! А я такое могла б сделать в Звонковом! О нас бы во всех газетах зазвонили. Я столько видела в Европе. Жаль, что так мало культуры в нашем селе *(достаёт из сумочки семечки, щёлкает)*.

АННА. Мало культуры, говоришь?

АРИНА. Так мне обидно, что люди наши очень уж от Европы отстали.

АННА. А ты, выходит, догнала Европу?

АРИНА. Я даже перегнала.

Входит Марина.

МАРИНА. Арина, сегодня в район не поедешь.

АРИНА. Почему?

МАРИНА. Заболела Галя. Свиньи без настоящего присмотра остались. А четыре матки вот-вот опороситься должны.

АРИНА. А я здесь при чём?

МАРИНА. А ты и до войны около свиней ходила. И хорошо!

АРИНА. Сестра, ты шутишь! Я не для того была заграницей, чтобы здесь около свиней ходить. Это некультурно. Точно.

МАРИНА. Иди ты ко всем чертям со своей заграницей. Чтоб утром была около свиней!

●

Арина остается в Звонковом: она поняла, что возрождение колхоза — её родное дело. Под влиянием окружающих у Арины постепенно проходит увлечение «заграничными модами». Арина в гостях у дочери архитектора — Зины Придорожнюк.

АРИНА. Сдала дежурство и решила заглянуть к вам.

ЗИНА. Очень приятно. Значит, начали работать?

АРИНА. Да.

ЗИНА. Где вы работаете?

АРИНА. Снова там же. В свинарник пошла.

ЗИНА. Свинаркой работаете?

АРИНА. Точно. На старом месте. До войны я имела достижения, даже в районной газете про меня написали, но теперь мне трудно, ох, как трудно!

ЗИНА. Устаёте?

АРИНА. Нет. Я снова впереди всех свинарок, в работе меня никто не обгонит.

ЗИНА. Так что же?

АРИНА. До войны я была Арина из села Звонковое — и всё, а теперь меня среди свиней очень культура угнетает. Если бы не гитара!..

ЗИНА. Вы гитару берёте в свинарник?

АРИНА. Да. Вычищу свинарник, перекупаю всех поросят, покормлю всех, а потом хожу по свинарнику и пою, пою...

ЗИНА *(сдерживая смех)*. Что же вы поёте?

АРИНА. Романсы разные.

ЗИНА. А свиньи как себя ведут?

АРИНА. Ничего... Слушают.

ЗИНА. Здорово вы поёте, если даже свиньи вас слушают.

АРИНА. Что же это вы смеётесь надо мной?

ЗИНА. Что вы, Арина! Это я пошутила, простите, может, неудачно?

АРИНА *(встала)*. Мне пора *(идёт)*.

ЗИНА. Арина, милая, вы обиделись? Не надо, я по-дружески.

АРИНА. По-дружески?

ЗИНА. Честное слово!

АРИНА. Руку.

ЗИНА *(подала руку)*.

АРИНА *(садится)*. А знаете, чего я к вам пришла?

ЗИНА. Скажите.

АРИНА. Вчера вечером вы хорошую песню пели. Слова хочу у вас попросить.

ЗИНА. Где пела?

АРИНА. На лодке. Вечером у камыша вы агроному нашему пели.

ЗИНА. А где же вы были?

АРИНА. А в камыше на лодке.

ЗИНА. Что же вы о себе не дали знать?

АРИНА. Очень занята была.

ЗИНА. А... Понимаю...

АРИНА. Нет. Одна была. Лежала в лодке и мечтала. Люблю мечтать.

ЗИНА. Слова я вам дам *(садится, пишет)*. Вот слова... *(Передала.)*

АРИНА *(молча прочитала)*. Хорошие слова! Мотив, кажется, такой *(играет на гитаре)*.

ЗИНА. Да. *(Напевает.)*

Добрым людям будем рады.
Приезжайте! В добрый час!
На пороге новой хаты
Хлебом-солью встретим вас.

Иллюстрации И. Семёнова.

НЕ ПОКЛАДАЯ РУК

Рис. И. Семёнова

— После вчерашнего рекорда Петрова у меня до сих пор руки болят.
— А ты что же, помогал ему?
— Нет, я ему аплодировал.

НОВОЕ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПАТОКИ

До недавнего времени в деле использования рафинадной патоки наблюдался определённый застой. Узкие специалисты считали невозможным широкое применение её. И патока шла на выработку повидла, сладостей и сиропов. Никому и в голову не приходило, что патокой, например, можно с успехом склеивать металлические конструкции. Теперь новое слово, наконец, сказано!

Инициативная группа из руководителей Главсахара и Московского сахарного завода поставила ряд опытов по внедрению патоки в не изведанные ещё области, вплоть до инстанций, решающих спорные вопросы. Для этой цели месткомам Госарбитража и Мособлсуда и было выдано по нескольку сот килограммов экспериментального продукта.

Из тех же научных побуждений патока десятками тонн под многоатмосферным давлением начальника Главсахара тов. Сторожука и начальника отдела сбыта тов. Клевицкого перекачивается в такие организации, как Московское аптекоуправление, Главметаллосбыт, Главтабак, Московская контора Главмясомолснаба и т. д. Особенно важное значение, оказывается, имеет патока при производстве банковских операций. Учитывая это обстоятельство, тов. Клевицкий и отпустил около 2 тысяч килограммов патоки Краснопресненскому отделению Госбанка, Сельхозбанку СССР и Промбанку СССР.

В процессе освоения патоки удалось заметить, что она благотворным образом действует на работников самых различных профессий, делая характер их покладистым, а сердце — добрым и отзывчивым. Это подтверждает эксперимент, проведённый директором сахарного завода тов. Капустой в Краснопресненском районе. Сотрудники райфинотдела и прокуратуры, торготдела и карточного бюро действительно обрели задушевную мягкость и лиричность в своих отношениях с заводом. И только потому, что они регулярно, не допуская легкомысленных перерывов, принимают во внутрь целебную патоку.

Внедрение рафинадной патоки в сферу финансов не ограничилось банками. Тов. Капуста вкупе с бухгалтером Бердичевским реорганизовал на территории своего завода и денежную систему. В силу этого обстоятельства кредиторы являются сюда не с кошельками, а с бидонами и вёдрами.

Когда наступают приёмные часы, секретарь докладывает директору:

— Уже собрались. Народу, как всегда, полно.

— Давай сначала от коллективов. Потом отоварим индивидуумов. Коллективы есть? — интересуется директор.

— Есть. Духовой оркестр. Тот, что играл у нас.

— Весь пришёл? Целиком?

— Частично. Пришли барабан, альт и бас.

— А тара у них есть?

— Я же говорю: барабан, альт и бас.

— Ну, пусть нальют им патоки. А ещё кто?

— Ещё от Московской таможни.

— От таможни? А для чего им патока?

— Не знаю. Говорят, нужна.

— Ну, раз нужна, значит, надо дать.

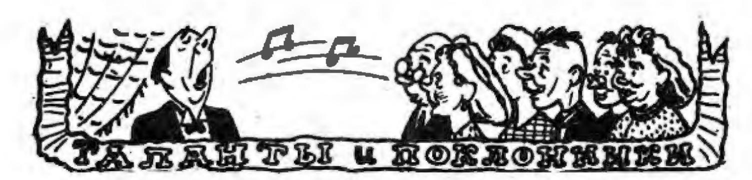
Затем директор переходит к индивидуальным кредиторам. Всё той же местной денежной единицей — патокой — оплачивается ремонт персональной легковой машины, услуги маляра, переплётчика, машинистки...

Надо сказать, что руководство Главсахара и завода поставило опыты по внедрению патоки в несмежные области с завидным размахом: за шесть только месяцев продвинуто мимо пищевой промышленности 510 тонн патоки, причём 149 тонн отпущено «индивидуумам».

Однако находятся люди, старающиеся помешать этой экспериментальной работе. Они требуют, чтобы патока использовалась только старым, или, как принято говорить, дедовским, способом. При этом ссылаются на то, что Московский трест хлебопечения, например, не может выполнить план по выпуску бородинского и чайного хлеба из-за отсутствия патоки: при потребности треста в 160 тонн Главсахар выдал ему за полгода лишь 75 тонн. Мосгорпищепром вместо 300 тонн получил за шесть месяцев... 5 тонн.

С волнением думаем мы о том, что может случиться, если победят защитники повидла, сиропов и бородинского хлеба? Произойдут серьёзные заторы в банковских делах и зачерствеют лишённые мягкой и сладкой патоки сердца некоторых районных работников Красной Пресни.

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

Из быта драматургов

КАЖЕТСЯ, ещё в апреле я увидел драматурга Трошкина, бегущего со всех ног через площадь Маяковского сквозь свист милиционеров и отчаянные гудки троллейбусов.

— У тебя, наверно, сегодня просмотр? — догадался я, когда потный и взъерошенный драматург был уже на тротуаре.

— В двенадцать часов. Решается судьба моего «Золотого локона». Смотрит Чекин.

— А от него многое зависит, Олег?

Трошкин посмотрел на меня так, точно я усомнился в том, что «Евгений Онегин» принадлежит перу Пушкина.

— Всё. Чекин — начальник Московского городского реперткома. Понятно?

Всё было понятно.

Около пяти часов дня Трошкин ввалился ко мне в квартиру.

— Поздравь меня! — ещё на лестнице кричал он, прыгая через ступеньки. — Просмотр прошёл блестяще. Творческая победа. Товарищ Чекин десять минут жал мне руку.

— Значит, надних премьера? — осведомился я.

Драматург немного замялся:

— Пока неизвестно. Поэтому во вторник будет просмотр для начальника Московского управления по делам искусств Ушакова. Вот тогда решится судьба моего «Золотого локона».

В страшный и решающий вторник Трошкин явился домой в девять часов вечера.

Он тотчас же протелефонировал мне.

— Почему так поздно, Олег? — удивился я.

— Обсуждали!

— Ругали?

— Что ты?! Хвалили! Все хвалили. Сам Ушаков, его заместители, Чекин, его заместители, ещё какие-то товарищи, их заместители... Крупная творческая победа!

Минутное молчание. Потом я осторожно осведомился:

— А что зависит от Ушакова?

— Всё! Начальник Московского управления. Может запретить пьесу, снять спектакль, не принять оформление, отложить премьеру.

— А разрешить?

— Разрешить может. Но захочет ли?

На следующий просмотр, устроенный уже для Главреперткома, я решил сопровождать автора «Золотого локона». После второго акта к нам подошёл учтивого вида товарищ и, протянув руку, коротко бросил:

— Поздравляю.

Трошкин сразу расцвёл, как увядший цветок, опущенный в горячую воду.

— Уф-ф! — облегчённо зашептал он. — Наконец-то! Теперь, голубчик, всё в порядке. Я на коне. Можешь заказывать цветы на премьеру. Это подходил сам Сурков.

Каюсь, нездоровый скептицизм не покинул меня даже после этих горячих слов:

— Ну, а сам Сурков может ли разрешать спектакли или может лишь не разрешать их?

Драматург даже замахал руками от негодования:

— Что ты?! Главрепертком! Главное управление по контролю над репертуаром и зрелищами! Если не они будут разрешать пьесы и спектакли, то кто же тогда?

Увы, после этого просмотра прежде всего наметили дату следующего просмотра. Понедельник. Будет смотреть руководство Комитета по делам искусств вместе с Главным театральным управлением и с консультантами по репертуару.

Через несколько дней ликующий Трошкин примчался ко мне, имея на буксире мрачного комедиографа Былинкина.

— Просмотр прошёл блестяще, — торжественно объявил он. — Все меня поздравляли. Большая творческая победа.

— А когда премьера?

— Теперь уже скоро. В понедельник смотрел комитет, а в четверг будет смотреть совет.

— Какой совет?

— Который при комитете. Художественный. Тридцать два члена. Комитет без совета сейчас не разрешает спектакли.

— А совет без комитета?

— Совет без комитета тоже не разрешает. Но это уже последний просмотр. Больше смотреть некому.

— Счастливец Трошкин! — завистливо сказал пасмурный Былинкин. — Он уже просматривается, а я всё ещё читаюсь. Третий месяц читаюсь. Начал читать в Мосгоррепеткоме, а кончил вчера в жилищном управлении Моссовета.

— Позвольте, при чём тут жилищное управление Моссовета?

— А у меня в пьесе среди действующих лиц два управдома. Говорят, что лучше, если жилищное управление послушает. Чтобы как-нибудь не исказить образ управдома.

— Правильно! — горячо поддержал Трошкин. — Так вернее. Теперь, когда мой «Золотой локон» просмотрело и одобрило столько инстанций, я уже могу быть совершенно спокойным за качество своей продукции.

Бедняга глубоко заблуждался!

* * *

Премьера «Золотого локона» состоялась. Прошло шесть спектаклей. Вдруг поздно ночью мне позвонил автор:

— Сегодня в утренней газете напечатана рецензия о моей пьесе.

— Хвалят?

— Нет, не очень. Рецензия называется: «Как проникла эта халтура на сцену московского театра?» Что же это значит?

— Это значит то, что дело не в количестве инстанций. «Ум — хорошо, а два — лучше» совсем не означает, что инстанция — хорошо, а десять — лучше...

Евг. БЕРМОНТ

НЕ БАСНЯ, А КИНОХРОНИКА

Рис. Л. Бродаты

Кукушкин хвалит Петухова за то, что хвалит он Кукушкина...

Ты не прав, Гераклит!

Гераклит доказал, что всё течёт, всё изменяется. Мы берём на себя смелость заявить, что тезис древнегреческого философа применим абсолютно ко всему, что нас окружает, за исключением только эстрады.

Много, много лет назад, когда я ещё ходил под столом, мой отец, вернувшись как-то с концерта, возмущался одним конферансье, которого ему довелось слушать:

— Это же — чистое безобразие! У порога двадцатого века пичкать такими плоскими и затасканными анекдотами! В чём здесь соль, никак не пойму. Возвращается, понимаете ли, сын из гимназии, возвращается весёлый и радостный и поёт. «Чего ты поёшь? — спрашивает отец.— Какие у тебя сегодня отметки?» «По арифметике двойка, по русскому двойка, но зато по пению пятёрка!»

Я вырос, кончил школу, поступил в институт. Вместе со своими товарищами-студентами попал на концерт, где выступал известный конферансье Менделевич. И вдруг я услышал со сцены анекдот про весёлого гимназиста.

Я давно закончил институт. Я стал инженером. В моей жизни и в жизни моих друзей произошло много перемен. Совсем недавно я пошёл в парк Центрального дома Красной Армии на концерт, где выступал мой старый знакомый популярный конферансье Менделевич.

И вдруг, к своему ужасу, я услышал снова всё тот же анекдот о гимназисте.

Можно ли после этого оспаривать мою поправку к Гераклиту?

Москва

Инженер С. КРУГЛЫЙ

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

Рис. В. Горяева.

— Так и знал, что сегодня случится неприятность. Во-первых, тринадцатое число, во-вторых, кошка дорогу перебежала, в-третьих, баба с пустыми вёдрами навстречу шла...
— Ну и что же?
— На собрании меня назвали обывателем.

Совершенно секретно...

Вас никогда не занимал вопрос:
— Выносить ли сор из избы?

А вот в отделе рабочего снабжения управления «Мосгазстрой» проблема сора заполнила умы всех без исключения сотрудников.

Проблема эта возникла не случайно и не стихийно. Она назрела давно, когда начальник орса «Мосгазстрой» тов. Ашмаров счёл нужным предупредить свой коллектив:

— Давайте наведём порядок! Давайте установим строжайшую дисциплину в отношениях между директорами магазинов и руководящими работниками орса! Если кто из смельчаков хочет критиковать нас, начальство, пожалуйста, но... Только пусть он это делает корректно, незаметно. Если кому уж очень хочется выносить сор из нашей орсовской избы, пусть совершит операцию секретно.

Много, много лет назад, в прошлом столетии, в Москве попечителю учебного округа Назимову удалось найти выход примерно из такого же положения.

По словам Добролюбова, произошло это так. Получил как-то Назимов секретное предписание. Как на грех, заболели у Назимова глаза, и врачи категорически запретили ему читать. Но как же всё-таки прочесть секретное предписание?

После долгих раздумий вызвал Назимов своего секретаря, завязал ему наглухо уши и приказал читать. Секретарь прочёл. Назимов таким образом прослушал содержание секретного предписания. А секретарь? Секретарь ничего не слыхал: ведь уши у него были туго завязаны.

Ашмаров мог, конечно, поступить по рецепту Назимова: завязать всем сотрудникам орса крепко-накрепко рты:

— Глаза, мол, так и быть, — пусть смотрят на непорядки, а языком болтать нечего!

Но тут случилось так, что некий завмаг не послушался предупредительного совета тов. Ашмарова и осмелился публично вынести сор, правда, в довольно мизерном количестве, из избы, где хозяином начальник орса тов. Ашмаров. Нужно было принять незамедлительные меры, и тогда Ашмаров решил заткнуть глотки своим подчинённым приказом:

«...19 июля имел место нетактичный поступок директора магазина № 1 тов. Смирнова, выразившегося в неуместном критиковании в магазине работы планового и торгового отдела орса в присутствии лиц, не имеющих отношения к работе орса.

Приказываю:

1. За невыполнение моих распоряжений и дискредитацию руководящих работников орса директору магазина № 1 тов. Смирнову — объявить строгий выговор.

2. Предупредить всех директоров торговой сети и предприятий орса, что в дальнейшем при повторении случая нетактичного отношения, дискредитации и игнорирования распоряжений руководящих работников орса — буду немедленно снимать с работы».

Так просто и легко была решена столь сложная проблема!

И вдруг оторопь взяла нас: не расценит ли товарищ Ашмаров опубликование его приказа в прессе как нетактичное отношение и дискредитацию его высокой персоны?

Нас могут спасти два обстоятельства. Во-первых мы, по счастливой случайности, не работаем в системе тов. Ашмарова. Во-вторых, мы предусмотрительно назвали фельетон «Совершенно секретно» и всецело полагаемся на корректность и дисциплинированность читателей, которые никому не расскажут о его содержании.

Е. ВЕСЕНИН

«ЭЛЬДОРАДО»

Пал Иваныч чуть не помер
От строительной горячки,
Но зато не сыщешь лучше
Пал Иванычевой дачки!

И к тому ж красотку-дачу,
Что с другими несравнима,
Он построил, не затратив
Ни единого сантима.

Пал Иваныч служит в скромном
В представительстве Главмази.
Очень маленькая должность,
Но зато — большие связи!

Пал Иваныч служит честно,
Без растраты подотчётных, —
Он сумел построить дачу
Из даяний доброхотных.

Этот дал бревно, тот — гвоздик
(Пал Иванычу — удача),
Предприимчивому — дача.
За решётчатым забором

Дом с фасадом в пять окошек,
А по брёвнышку с клиента —
И цветут на пёстрых клумбах
Мальва, фуксия, горошек.

Поглядел: не дача — вилла!
И решил, что дать ей надо
Иностранное названье:
«Монплезир» иль «Эльдорадо»...

Пал Иваныч, не поможет!
Брось играть со взяткой в прятки.
Наш народ такую дачу
Называет дача взятки.

И. ВОЛГИН

Уважаемый Крокодил!

Недавно на вверенной мне спичечной фабрике произошёл такой случай. Оперуполномоченный отдела по борьбе с хищениями Пинаев задержал работницу Арбет с украденными ею пятьюстами коробками спичек. До этого она уже дважды уличалась в воровстве и кроме того имела несколько взысканий за прогулы.

Каково же было моё изумление, когда три дня спустя сия мадам явилась ко мне в кабинет, устроила громкий скандал и, потребовав вернуть ей украденное, предъявила такой сногсшибательный «документ»:

«Николай Васильевич! Против гр-ки Арбет уголовного дела не возбуждено ввиду недоказательства хищения, а спички по её плачу (!!!) якобы принадлежат ей. Поэтому можно возвратить. С приветом Пинаев».

Оно, конечно, мы не компетентны обсуждать вопрос о воровском плаче как о решающем юридическом моменте в уголовно-следственном процессе. Но одно нам ясно: когда оперуполномоченные сердобольно утирают слёзы ворам, плачут народные денежки.

Н. ИЛЬИНСКИЙ,
директор Таллинской спичечной фабрики

Дорогой Крокодил!

Холмская газета «Колхозный путь» вскрыла безобразия в местном магазине потребительской кооперации. Прочитав корреспонденцию, председатель райпотребсоюза Солодов впал в раздумье. Как быть? Можно, конечно, заняться расследованием газетных фактов, но это требует известного труда. А вдруг факты подтвердятся? Стоит ли зря рисковать?

Раздумье председателя продолжалось ровно восемнадцать дней. На девятнадцатый день он сообщил редакции, что им «подано заявление в следственные органы для выяснения и уточнения фактов», опубликованных в «Колхозном пути».

Из обычно хорошо информированных источников мы узнали, что сам тов. Солодов в восторге от своего решения, избавившего его от лишних хлопот. В ещё большем восторге продавцы магазина, продолжающие с исключительным энтузиазмом обмеривать покупателей.

П. МОДИН,
редактор газеты «Колхозный путь»

Холмский р-н,
Великолукской обл.

Уважаемый Крокодил!

Не могу сказать, чтобы наша районная библиотека настолько разрослась, что уже не может уместиться в одном помещении. Наоборот, книг стало гораздо меньше. И именно потому, что их стало меньше, образовалось несколько филиалов.

Как это получилось? Спроси агрономов Вощевоза и Воробьёва, которые давным-давно взяли в библиотеке книги и никак не удосужатся их возвратить. Таким же образом хранят у себя книги и судья Тарасова, и учительница Молокова, и прокурор Николин, и многие другие.

Так что, если ты захочешь что-нибудь почитать, обратись в нашу библиотеку, и мы охотно сообщим тебе адрес того лица, у которого находится интересующая тебя книга.

МИРОНЫЧЕВА,
библиотекарь

г. Юрьев-Польский,
Владимирской обл.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◆ «Неуязвимый Загребин» — так называлась заметка, опубликованная в № 7 «Крокодила». Заведующему ларьком Загребину, похитившему разные продукты и товары, удалось скрыться от следствия и суда в результате волокиты кулебакской прокуратуры. Приказом прокурора РСФСР тов. Волина прокурору Кулебакского района, Горьковской области, тов. Вахрамееву объявлен строгий выговор. Заместителю прокурора области тов. Успехову за отсутствие контроля за ведением следствия по делу Загребина поставлено на вид.

◆ Начальник управления кадров Министерства просвещения УССР тов. Зайцев подписал учителю Бородину письмо, в котором было обнаружено девять ошибок. Об этом в № 18 «Крокодила» была напечатана заметка. Как сообщает заместитель министра просвещения УССР тов. Русько, на Зайцева наложено административное взыскание. Заметка в «Крокодиле» была обсуждена на совещании руководящих работников министерства и на собраниях сотрудников по управлениям и отделам.

В ПРИЕМНОЙ УЧРЕЖДЕНИЯ

Рис. С. Костина

ПОСЕТИТЕЛЬ: — Как приятно чувствовать, что ты окружён вниманием!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда".

Москва. Изд. № 567. Подп. к печати 24/IX 1946 г. Отатформат 72×105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 08589. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2124. Тираж 150.000 экз.

СВЕТЛА УКРАИНСКАЯ НОЧЬ

Рис. К. Елисеева.

За первые семь месяцев этого года на Украине электрифицировано около 800 колхозов и больше 150 МТС.

— Это тебе, чорт, не гоголевская «Ночь перед Рождеством», когда ты меня в мешок спрятал и село без света осталось!